

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО, РЕКЛАМА И ДИЗАЙН

УДК 026:2:93 (571.13)

Л. В. МОЛОКОВА

Иркутский государственный
технический университет

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ПЕРИОДИКИ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНОВ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX- НАЧАЛО XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ «ИРКУТСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

В статье на примере «Иркутских епархиальных ведомостей» анализируются роль и место церковной периодики в общественной и культурной жизни Восточной Сибири. Особое внимание обращено на провинциальное духовенство, занимающееся изучением местной истории и культуры во второй половине XIX — начале XX века.

Одним из ценных источников изучения культурной жизни регионов является дореволюционная периодическая печать, которая и на более ранних этапах, в период своего становления, играла важную роль, как фактор национального просвещения и оказания существенного влияния на формирование общественной мысли.

Дореволюционные периодические издания можно условно разделить на официальные («Иркутские епархиальные ведомости», «Иркутские губернские ведомости», «Известия Иркутской городской думы» и др.) и неофициальные («Сибирские театральные известия»). Официальные издания ценны тем, что отличаются от неофициальных большей информативностью, в силу своей широкой тематической направленности и продолжительным периодом непрерывного издания. Например, «Иркутские губернские ведомости» печатались в период с 16 мая 1857 года вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и позднее.

Для провинциальной интеллигенции «Иркутские губернские ведомости» были, пожалуй, единственным местным изданием последней четверти XIX века. В работе Д.М. Хрусталёва «Издание ИЕВ» отмечается большое значение «Иркутских губернских ведомостей» и «большая польза летописных заметок», печатающихся в них. Здесь же Д.М. Хрусталев говорит о необходимости создания епархиального издания, «параллельного по назначению» Иркутским губернским ведомостям.¹ Таким региональным церковным периодическим изданием второй половины XIX-начала XX в. стал журнал «Иркутские епархиальные ведомости» (далее ИЕВ), который для исследователя является важным источником изучения общественного сознания соответствующего периода, генеалогии, традиционной культуры и местной истории.

До середины XIX века в провинции отсутствовали периодические издания, предназначенные для духовенства, их роль выполняли те же «Губернские

ведомости», которые бесплатно рассылались священнослужителям.²

«Иркутские епархиальные ведомости» вышли в Сибири первыми. В дальнейшем появились Томские Е.В. (1880 г.), Енисейские Е.В. (Красноярск, 1884 г.), Якутские Е.В. (1887 г.), Камчатские Е.В. (Благовещенск, 1894 г.), Омские (1898 г.), Забайкальские Е.В. (Чита, 1900 г.).

ИЕВ начали выходить с 1 января 1863 года, издавались они при Иркутской духовной консистории, а с 1905 года — при Иркутской духовной семинарии. Первоначально ИЕВ издавались еженедельно, по субботам, с 1895 по 1917 год — два раза в месяц и в 1918–1919 годах — нерегулярно.

Концепция Е.В. выработанная в 1853 году архиепископом Херсонским Иннокентием (Иваном Алексеевичем Борисовым, 1800–1857), была основана на разделении журнала на две части: официальную и неофициальную. Неофициальная часть называлась «Прибавлениями». В официальной части печатались указы Св.Синода, известия по общецерковному управлению, распоряжения местного епархиального начальства и разные епархиальные известия. «Прибавления» заключали в себе речи, проекты, статьи духовного содержания по вопросам богословия, общей истории церкви, религиозоведения, сектантства. Кроме этого редакция ИЕВ обращалась к архивам и приводила исторические факты, касающиеся истории Сибири и Иркутска. Неофициальную часть ИЕВ можно разделить на отделы: церковно-исторический, проповеднический, миссионерский и смесь. В последнем отделе печатались объявления, в том числе частные, что было немаловажно для бюджета издания. Плата за первичное объявление составляла в 1901 году восемь рублей за страницу, за последующее — два рубля³. Местные епархиальные ведомости печатали сведения об издании других духовных журналов, газет и книг. Помещались эти сведения в неофициальной части, давалась их программа, оговаривались условия подписки и цена.

Особенностью ИЕВ и, скорее всего, других епархиальных изданий заключалась в том, что их содержание не было ориентировано на поддержку стабильного спроса, поскольку все приходы в обязательном порядке должны были выписывать этот журнал. Именно это привело к тому, что тематика журнала больше зависела от редакторских и авторских интересов, чем от читательских.

Журнал в целом не ориентировался на получение прибыли. При сложившейся в 60-е годы XIX века ситуации: высокая стоимость типографских работ и бумаги, бедность епархиального духовенства, — уже само открытие издания епархиальных ведомостей было делом материально рискованным.⁴ Невозможно выяснить бюджет издания и количество подписчиков. Подобная ситуация существовала в периодических изданиях других епархий. Например, единственная публикация бухгалтерского отчёта была выявлена К.Е. Нетужиловым в «Минских ЕВ» за 1880 год. Причиной появления этого отчёта стал отказ некоторых священников выписывать «ЕВ», поэтому, по распоряжению Минского епископа Евгения (Шершилова), плату за подписку стали вычитать из сумм, поступающих из духовной консистории в качестве жалованья священников, а для отчёта в расходовании средств опубликовали «Смету расхода и прихода средств по изданию «Минских ЕВ»».⁵ Существуют ещё наблюдения А.А. Титова, приближенного к Ярославским ЕВ, что за первые годы существования (1860–1864) журнал принёс небольшую

прибыль: «в 4 года получилась экономия 932 р. 66к., оставшаяся к 1864 году за всеми расходами по изданию».⁶ Эти подсчёты в большей степени характеризуют наблюдательность А.А. Титова как купца, чем финансовый оборот журнала.

Что касается первого года выпуска ИЕВ, то в отчёте об их издании за 1863/64 отмечается, что число подписчиков, включая церкви и монастыри, было 474 (церквей, выписывающих журнал, в 1863 году было 214). В 1864 году число подписчиков увеличилось до 526.⁷ Выписка ИЕВ была обязательной для всех церковей епархии, но некоторые причты все-таки отказывались от нее, часто ссылаясь на дороговизну издания и отсутствие денежных средств (в 1863 году цена годового издания, состоящего из 52-х номеров, была — четыре рубля, а с доставкой на дом и с пересылкой — пять рублей). В годы становления российской печати и много позже подписка на газеты в стране, и в частности в Сибири, была достаточно дорогой. Так как цены на продукты, например 1885 году были: мука пш. 2р. 80 коп за пуд (17 коп. за кг); мясо — 4руб. 50 коп. за пуд (27 коп. за кг.); масло коровье — 11руб. 50коп за пуд (72 коп за кг); сахар 10 руб. за пуд (62 коп) за кг. К 1900 году эти цены уменьшились почти вдвое.⁸ Понятно почему, некоторые причты не выписывали ведомости, а из подписавшихся в 1863 году на ИЕВ — 50 человек в следующем 1864 году прекратили подписку.⁹

К сожалению, периодические издания почти не фиксируют факты внимательного чтения духовной литературы, в том числе и ИЕВ. Известно, что наряду с епархиальными ведомостями, священники выписывали духовные журналы («Душеполезное чтение», «Православное русское слово», «Отдых христианина», «Странник» и др.) и недорогие светские издания («Развлечение», «Свет», «Нива», «Родина», и другие.¹⁰ Тем не менее один современник отмечал, что он «встречал множество священников, которые совсем не читали духовных журналов, кроме епархиальных и церковных ведомостей, подписка на которые обязательна. Но у многих и эти газеты лежат неразрезанными».¹¹ Как правило, подшивки епархиальных ведомостей хранились либо в домах священников, либо в библиотеках церковно-приходских школ. Но нередко журналы хранили и в алтаре, то есть они были недоступны для прихожан.¹²

И все-таки, несмотря на такое положение дел, развитие духовной журналистики второй половины XIX века, способствовало культурным коммуникациям между различными слоями общества. Значение церковного ведомственного издания не ограничивалось рамками духовного сословия. Тем более что само духовное сословие постепенно утрачивало свою «кастовую» замкнутость, что можно проследить в целом ряде указов XIX века, особенно в синодальных указах конца 1860 гг., которые преследовали цель уничтожения передачи по наследству духовного сана и приходского места.¹³ Дети духовенства стали широко использовать свои права, поступали в светские высшие и специальные учебные заведения. Особенно много бывших семинаристов оказалось на историко-филологических и юридических факультетах университетов, в 1880 году их число дошло до 34.5 %.¹⁴

В XIX веке наибольшее число из образованных людей закончили духовные учебные заведения, некоторые из них позднее стали известными людьми, такими как окончивший в 1860 году Иркутскую духовную семинарию Н.С. Болдонов, видный ученый в области изучения быта и народного творчества бурят. Н.С. Болдонов составил русско-бурятский букварь и перевел на бурятский язык брошюру «Мироз-

дание». Как видно из «Отчета о состоянии Иркутской епархии» за 1859 год, почти 90 %, т.е. 191 из 216 священников Иркутской епархии окончили семинарии.¹⁵

С повышением уровня образования Иркутское духовенство православной церкви стало успешнее решать свои задачи в Восточной Сибири. Достаточно характерной для 1860-1880 годов являлась фигура священника — историка, этнографа, члена губернского статистического комитета. Общественный подъем 1860-х годов, наличие постоянных организационных краеведческих центров в виде губернских статистических комитетов, стремление к большой личностной реализации, желание выйти из привычного круга занятий, влияние передовой литературы и гуманитарное образование — таковы основные предпосылки обращения многих приходских священников во второй половине XIX века к занятиям историей и этнографией родного края.

Священнослужители выступали посредниками на проповедях, воскресных чтениях в городских читальнях, заседаниях общественных организаций и в межличностных общениях.

Ограничение читательской аудитории ИЕВ не могло полностью препятствовать приобщению горожан к их информационному содержанию, но возлагало на священника обязанности посредника в коммуникации, ориентирующегося на интересы прихожан: он отбирал материалы для чтения, формировал читательскую аудиторию, выбирал форму воспроизведения информации (чтение или пересказ) и определял возможности обсуждения. Интенсивность такой коммуникации определялась священником в зависимости от стратегии поведения в приходе, выбранной под влиянием собственного характера, рекомендаций Синода и публикаций церковного периодического издания. Таким образом, священник приобщал прихожан к чтению, формировал читателя в той среде, где читательские интересы ещё не проявились.¹⁶

Редакционно- авторский коллектив ИЕВ придавал особенное значение местной церковной истории, её памятники максимально точно описаны на страницах ИЕВ. Именно точная фиксация исторических фактов и современной религиозной жизни придавала ИЕВ общественное значение, не уступающее «Иркутским губернским ведомостям», авторы которых обладали большей свободой в интерпретации источников и освещении явлений современной жизни.

Вместе с тем такое отношение авторов к своей работе, позволило им зафиксировать обширный этнографический материал и поставило ИЕВ в ряд ценных исторических и этнографических источников, ценность которого была обеспечена включением материалов в это периодическое издание, поскольку именно культурная коммуникация придаёт встроенным в неё фактам историческое значение.

Редакционно- авторский коллектив ИЕВ использовал две стратегии построения регионального провинциального пространства: историческую и повседневную провинциологию. Первая строилась на описании памятников, фиксировании преданий, публикаций, документов; вторая на фиксировании религиозной жизни и этнографических особенностей различных слоёв населения.

Выше было отмечено, что ИЕВ занимали различное место даже в кругу чтения духовенства, для которого они предназначались. Однако есть достаточно ясные указания на то, что такой интерес существовал. Прежде всего, о нём свидетельствует процесс появления авторов из среды читателей ИЕВ. Приобщение таких авторов к культуре описания ис-

торико-культурных явлений происходило, как правило, на месте служения, где священники сталкивались напрямую с древними вещами — иконами или утварью храма, знакомились с историей своего прихода или духовной школы, их легендами и преданиями и пытались в них разобраться. Восприятие этих памятников, ценностные установки задавались информационным содержанием ИЕВ. Представители местного духовенства занимались исследованием родного края и новых земель, их природой, географией, историей, бытом, языком и верованиями коренных жителей.

Сельские священники пробовали составить описания своих приходских достопримечательностей, а также просто публиковали какие либо интересные для местной истории документы почти без комментариев или археографического описания источников. При этом авторы духовного звания зачастую подписывались инициалами.

Иногда, такие описания перерастали в значительные произведения. Например, в одном из номеров была опубликована летопись Иркутской Крестовоздвиженской церкви, составленная дьяконом Маловым. Помещены в ИЕВ статьи А.Суханова, чиновника 14 класса, о Посольском Спасо-Преображенском монастыре Иркутской губернии¹⁷ и история первоначального построения Якутского острога. Священником Сизым описаны города Илимск и Верхотенск и их древние памятники¹⁸. Таким образом, начинающий автор, благодаря чтению ИЕВ получивший представление о ценности памятника, с которым он столкнулся в своём служении, как правило, преследовал цель наиболее точного и всестороннего фиксирования изучаемого явления для публикации своего описания.

Вместе с тем авторы ИЕВ интересовались архивными материалами и по возможности старались ввести их в оборот. Так, например, поступил законоучитель Омского кадетского корпуса А.И.Сулоцкий, имевший доступ к Тобольскому архиву, собравший много интересных сведений о времени Тобольского митрополитического управления. Он же по документам раскрыл историю митрополита Ростовского Арсения Мацеевича¹⁹ и разработал историю иконописания в Сибири. Такие авторы обеспечивали постоянный Приток в редакцию всё новых исторических памятников для публикаций.

Помимо опосредованного влияния редакционно-авторского коллектива ИЕВ на приходское духовенство, вызывающее стремление последнего подготовить публикации, собственных работ и материалов, следует отметить возможность включения духовенства в эту среду через непосредственный контакт редакторов и авторов ИЕВ с учащимися духовных школ, училищ и Иркутской духовной семинарии. Конечно, способствовать появлению авторских работ могли и иные причины, такие как праздничные годовщины, например 25-летие существования Иркутской Духовной²⁰ семинарии в новом корпусе и др.

В ИЕВ печатались материалы о городах Сибири и их духовных достопримечательностях, публиковались исторические очерки о православных храмах и монастырях Сибири, в том числе составленные на основании клировых ведомостей, заметки о церквях Иркутска. Также представляют интерес материалы о православных святых, хранящихся в Сибири²¹ и древних вещах²², представляющих собой историческую ценность. В журнале много публикаций, касающихся миссионерской работы и есть заметки о первом появлении раскольников в Иркутске.²³ Встречаются в ИЕВ публикации о ссыльных в Сибири, например, о Геор-

гии Дашкове²⁴, Павле Бартенёве²⁵, княжне Е.А. Долго-рукой²⁶, и материалы, касающиеся светских лиц, оставивших след в истории Сибири²⁷.

На протяжении своего более чем полувекового существования ИЕВ служили делу местной церкви. На печатный орган была возложена информационная поддержка официальной политики Церкви, заключающейся в миссионерской деятельности и борьбе с расколом. Это было особенно важно для Восточной Сибири, где традиционно проживали неправославные народности (якуты, буряты).

Тот факт, что ИЕВ содержат много интересного материала, не случаен, поскольку их редакция объединяла силы образованных людей, представлявших Иркутскую интеллигенцию того периода. Как правило, это были представители местного духовенства. Жизнь этих людей была неординарна и интересна, они оказывали большое влияние на развитие культурной и духовной жизни края. Тем более необходимы были их литературные силы для Восточной Сибири, отдалённой от культурных и религиозных центров, где люди находились в условиях культурного застоя. Сибирь того времени страдала отсутствием общих преданий, верований, разобщённостью интересов и неразвитостью общества.²⁸

Несмотря на ограниченность читательской аудитории и ведомственность издания, журнал способствовал вовлечению максимального количества читателей в культурную коммуникацию и процесс просвещения. Это позволяло начинающим краоведам выйти за рамки локального сельского или городского сообщества и заняться историей окружающих регионов, углубиться по мере возможности в изучение архивных материалов, участвовать в других местных и центральных периодических изданиях. Журнал взял на себя выполнение той роли в сплочении духовенства епархии, которая раньше принадлежала исключительно государственным структурам, нормативным актам, межличностным отношениям и родственным связям. Таким образом, трудами местной духовной интеллигенции ИЕВ наполнялись важными материалами, касающимися различных областей жизни Восточной Сибири.

Иркутские епархиальные ведомости стали не только зеркалом церковной жизни Восточной Сибири второй половины XIX века, отражающим её со всех сторон, но и важным источником по истории и этнографии. Обращение к ИЕВ дореволюционного периода сегодня даёт сведения первичного характера, интересные исследователям из различных областей знания. Историки, архитекторы, социологи, исследователи Русской православной церкви (РПЦ) в своих работах цитируют материалы ИЕВ. Информация из этого источника позволяет заполнить пробелы в знаниях о культурной жизни региона.

В настоящее время, когда изучению региональных проблем уделяется большое внимание, издание приобретает особую ценность, как богатый источник знаний, которая со временем будет возрастать. Опыт изучения этого периодического издания открывает перспективное направление в изучении церковной и светской печати, позволяющее определить роль периодики не только в культурной коммуникации и сплочении региональных культурных сообществ, но и в сплочении гражданского общества.

Библиографический список

1. Хрусталева Д.М., Основание Иркутских епархиальных ведомостей, Иркут., 1898.

2. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии., СПб, 2005, С. 379.

3. ИЕВ, 1901, №24

4. Хрусталева Д.М., Основание Иркутских епархиальных ведомостей, Иркут., 1898.

5. Негужилова К.Е. Становление периодической печати до-революционной России // Вестник РГХИ, 2005, №5, //http://rehgi.spb.ru/Pr/vest5/09_Netuzh.pdf.

6. Титов А.А. Ярославские епархиальные ведомости, Не-официальная часть, С.6.

7. Отчет об издании ИЕВ за 1863-64 г. // ИЕВ, прибавления, 1865, №3.

8. Сальникова Е.С. Региональные проблемы восточной Сибири в освещении периодической печати во второй половине XIX века. Дисс. Иркутск, 1999., С. 43.

9. Отчет об издании ИЕВ за 1863-64 г. // ИЕВ, прибавления, 1865, №3.

10. Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии., СПб, 2005, С. 379-380.

11. Пастыри и пасомые... Православная жизнь., 1901, №3, С. 138.

12. Московское духовенство на рубеже веков (Из воспоминаний Н.П. Розанова «Второе сословие») / публ., коммент. М.И. Одинцова // Отечественные архивы., 1996 №5, С.68-72.

13. Знаменский П.В. Приходское духовенство на Руси. Приходское духовенство в России со времен реформы Петра, СПб, 2003, С.258-264, 301-303).

14. Статистика Российской империи, Т. 3, СПб, 1888, с. 10-11.

15. О.Е. Наумова, Иркутская епархия XVIII — первая половина XIX века, с.106.

16. Прозоров В.В. Читатель и литературный процесс., Саратов, 1975, С. 84-85.

17. Историческое описание Посольского Спасо-Преображенского монастыря Иркутской губернии // «ИЕВ», 1872, №№12, с.143-145; 13, с.161-157; 14, с.169-178; 19, с.237-240; 20, с.249-253; 22, с.273-279; 28, с.347-351; 44, с.551-556; 46, с.594-600.

18. ИЕВ, 1867, №№24, с.312-316; 25, С. 321-326; 26, с.331-335; 27, с.341-347.

19. ИЕВ, 1863, №№37, с.589-597; 38, С.610-615; 39, с.629-634.

20. ИЕВ, 1871, №50, С.851-856.

21. Достопамятная карета // ИЕВ, 1864, №51, с.763-765; Святыня Крестовоздвиженского храма города Иркутска, // ИЕВ, 1871, №10 с.136-137; Сказание о святом кресте, хранящемся в г. Селенгинске // ИЕВ, 1864, №47, с.708-712; Историческая икона Божией Матери в Селенгинске // ИЕВ, 1865, №10, с.115-120; Об образе св. Благоверного князя Александра в Благовещенской церкви г. Красноярска // ИЕВ, 1869, №№17-18, с.222-230; Архив и Святыня Бельской Сретенской церкви // ИЕВ, 1872, №43, с.547-548; Замечательный образ - икона «Спас Нерукотворный» в зале Верхнеудинского Гостиного двора // ИЕВ, 1872, №50, с.659.

22. Редкостная азбука // ИЕВ, 1872, №38, с.465-473; Географический атлас 1722-1730гг., хранящийся в библиотеке Иркутской духовной семинарии // ИЕВ, 1872, №32, с.402-404.

23. ИЕВ, 1867, №№ 16,17, с.181-189.

24. ИЕВ, 1867, №2, с.15-24

25. ИЕВ, 1867, №3, с.29-32

26. ИЕВ, 1872, №№ 49, 50, с.659-671

27. А.К. Сибиряков // ИЕВ, 1863, №49, с.561-569; П.А. Словцов // ИЕВ, 1872, №45, с.576-588.

28. Задачи сибирской печати // Сибирь, 1875, №15, с.1.

МОЛОКОВА Лада Владимировна, аспирант кафедры истории России.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.12.2006 г.

© Молокова Л.В.